

*Мария Михайловна АКУЛИЧ —
зав. кафедрой социологии
и социального управления,
доктор социологических наук, профессор
akulich.m@gmail.com*

*Ирина Александровна ЛЕВЕНСКИХ —
аспирант кафедры социологии
и социального управления
levenskih_ia@miac-tmn.ru*

*Международный институт финансов, управления и бизнеса
Тюменский государственный университет*

УДК 316.812.71

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОТЦОВСТВА

SOCIOLOGICAL STUDY OF PATERNITY

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются исследования отцовства в классических и современных работах социологов. Приводятся понятия отцовства и особенности его роли. Ставятся проблемы изучения отцовства в условиях трансформации общества.

SUMMARY. The article offers a research of paternity in classical and modern works of sociologists. The concept of paternity and the peculiarities of its role are discussed. The author poses the problems of paternity studying in the context of society transformation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Отцовство, отец, родительство, роль, теории отцовства, гендер.

KEY WORDS. Fatherhood, father, parenthood, role, fatherhood theory, gender.

Значительные изменения в системе гендерных ролей, произошедшие в российском обществе за последние десятилетия, способствовали тому, что отцовская роль претерпевает серьезные изменения. Это приводит к появлению новых форм активности отцов, к переоценке и уточнению обществом отцовских функций, что влечет за собой возрастание интереса исследователей к изучению феномена отцовства.

Изучение отцовства осуществляется двух аспектах: биологическом и социальном. Биологический подход к исследованию отцовства предполагает осмысление роли кровного родства, заключающегося в факте зачатия и рождения ребенка для развития семейно-брачных отношений. Социальный подход в изучении отцовства рассматривает роль мужчины, реализующуюся в экономическом обеспечении, защите, а также передаче социокультурных норм и образцов мужского поведения последующим поколениям. В рамках данного подхода исследованию отцовства как подсистемы родительства первыми уделили внимание такие зарубежные ученые как М. Мид, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Фромм, а среди отечественных социологов — Е. Здравомыслова и А. Темкина. Более подробно изучению отцовства, в рамках теории социального конструктивизма, посвятили свои исследования Р. Ла-Росса и Дж. Плек.

Согласно социально-культурологической концепции М. Мид, отцовство у человека — социальное изобретение: «если мы рассмотрим все известные человеческие общества, повсюду найдем какую-то форму семьи, некоторый набор постоянных правил, побуждающих мужчин-отцов помогать женщинам заботиться о детях,

пока те малы. Отличительная черта самца человека — повсюду помогать добывать пищу женщинам и детям. Во всех известных человеческих обществах везде в мире будущий мужчина усваивает, что когда он подрастет, одной из обязательных вещей, которые ему придется делать, чтобы стать полноправным членом общества, будет обеспечение пищей какой-нибудь женщины и ее потомства» [1].

Таким образом, по мнению М. Мид, в основе тех традиционных форм, с помощью которых сохраняются приобретенные человеческие свойства, лежит семья, где мужчины-отцы берут на себя функцию экономического обеспечения и заботы о женщинах и детях. Каждое новое поколение молодых осваивает эту родительскую функцию, которая впоследствии становится одной из основных мужских ролей.

Социологические исследования показывают, что отцовство не может быть определено в изоляции от материнства. В классических социологических теориях отцовство рассматривалось в системе супружеских обязанностей. Разделение материнской и отцовской ролей преимущественно обосновывалось необходимостью распределения труда по полу. Родоначальник структурного функционализма Э. Дюркгейм считал, что «супружеская солидарность» возникает на основе разделения труда между полами. В те же периоды развития обществ, когда «оба пола были слабо дифференцированы», существовали «материнские» семьи, в которых «отношения между детьми и матерью очень определены, но отношения между супругами весьма слабы. Они могут быть прекращены, как только стороны захотят этого, или даже заключаются на определенное время» [2]. Надо полагать, что и отношения отцов с детьми также были неопределенны. По мере того как «половой труд все более разделялся», отмечает Э. Дюркгейм, «две значительные функции психической жизни как бы диссоциировались, один из полов обладал эмоциональными функциями, а другой интеллектуальными» [3]. По мнению Дюркгейма, если разделение труда «регрессирует ниже известной точки <...> брачное сообщество исчезнет, уступив место лишь весьма эфемерным половым отношениям; если бы полы совсем не разделились, не возникло бы целой формы общественной жизни» [4].

Таким образом, Э. Дюркгейм указывал, что трансформация гендерных ролей приводит к кризису моногамного брака, так как наблюдается рост материнских семей и отдаленность отцовского участия от выполнения родительской роли. К тому же структурный функционализм определял отца как кормильца и транслятора мужской половой роли.

Одним из влиятельных социологических подходов, объясняющих разделение мужских и женских ролей, стал полоролевой подход Т. Парсонса, возникший в рамках структурного функционализма. Основными функциями семьи он считал социализацию детей и стабилизацию личности взрослых членов семьи. Механизмом, способным обеспечить равновесие и стабильность системы социального взаимодействия, по мнению ученого, является функциональное разделение сфер деятельности, другими словами, дифференциация ролей. С точки зрения Т. Парсонса, для существования любой социальной системы необходимо выполнение двух функций: инструментальной и экспрессивной. «Инструментальная функция заключается, во-первых, в обеспечении средств к ее существованию. Экспрессивная функция — в поддержании интеграции членов системы, а также в установлении моделей отношений внутри семьи и регулировании уровня напряженности ее членов» [5]. По мнению Т. Парсонса, один и тот же человек не может одновременно выполнять эти функции, следовательно, разделение ролей существует во всех системах социального взаимодействия. Поэтому мужские и женские роли необходимо рассматривать как взаимодопол-

няющие, отводя мужчине инструментальную роль, а женщине, соответственно, экспрессивную, эмоциональную.

Основанием для распределения ролей между биологическими полами, по мнению Т. Парсонса, является тот факт, что «рождение детей и уход за ними создает строгую презумпцию первичности отношения матери к маленькому ребенку» [6], следовательно «мужчина, устранный от этих биологических функций, должен специализироваться в альтернативном, инструментальном направлении» [7]. Таким образом, функциональный подход, закрепляя за мужчиной ответственность за материальное благополучие семьи, определяет две его основные родительские функции: кормильца и транслятора мужской половой роли: «он обучает мальчика мужской роли и устанавливает образец мужественности для девочки» [8].

Таким образом, в рамках структурно-функционального и инструментального подходов отцовство и материнство представляются как поведенческие образцы — инструментальность и экспрессивность, как две взаимодополняющие функции, возникшие естественным путем и обеспечивающие стабильное существование общества. Отцовская роль в семье включает в себя ориентацию на профессиональную карьеру, стремление к успеху, отдаленность от семьи и воспитания детей. Анализ модели Т. Парсонса показывает, что мужская роль реализуется в сферах профессиональной занятости и властных отношений, за пределами семьи. Данную концепцию проблематично применить в исследованиях отцовства в качестве методологического основания, так как:

— отцовство не рассматривается как подсистема родительства в связи с выполнением экспрессивной функции, которая, согласно теории структурного функционализма, выполняется женщиной;

— подсистемы общества подлежат изменению и прилагаются к материнству и отцовству. Общество меняется, а подход к семье остается прежним — функциональным, в результате чего возникает конфликт между изменяющейся глобальной системой (обществом) и неизменной подсистемой (семьей).

Р. Мертон подверг критике эту концепцию. Он предложил типологию «девиантного поведения» мужей и описал различные причины отклонения их поведения от предписанной роли добытчика и отца. Р. Мертон выявил несоответствие этой идеальной конструкции опытам мужчин. Он привел типологию поведения мужей — «девиаций», которые отклоняются от нормативного, обозначенного им как конформистское: муж принимает культурную норму быть хорошим добытчиком для семьи, а также культурно одобряемые «средства достижения» [9] этой цели (т.е. много работает и стремится к успеху в профессиональной сфере). Первый тип девиации он назвал «инновация: мужчина-отец принимает ценность материального успеха, но отвергает одобряемые обществом средства его достижения и использует нелегальные способы. Второй тип девиации — ритуальное поведение: мужчина-отец хочет быть успешным, но не согласен работать для этого и, таким образом, не выполняет роль добытчика. Третий тип поведения — уход: мужа не принимают ни социально одобряемой роли добытчика, ни средства достижения этой цели. Это хронические алкоголики, наркоманы, бродяги, бомжи» [10]. По мнению Мертона, они не испытывают потребности получать какое-либо одобрение общества и не обращают внимания на негативные санкции, направленные на то, чтобы заставить их поступать конформистски. При четвертом типе девиации — сопротивление — отвергаются и общественно одобряемые цели, и средства их достижения, но люди этого типа хотят привнести в общество новые цели и средства их достижения

и изменить сложившиеся нормы. И мужчины и женщины, например, сторонники движения «контркультуры» 1960-х, отвергают материальные ценности, заменяя их духовным и интеллектуальным развитием.

Зарубежный классик Э. Фромм в исследовании отцовства и родительства акцентировал внимание на особенностях материнской и отцовской роли в зависимости от чувства любви к детям. В известной книге «Искусство любить», написанной в 1956 г., обосновывает разницу в материнской и отцовской любви. По его мнению, если материнская любовь безусловна и ее «не нужно заслуживать, тем более нельзя контролировать» [11], то отцовская любовь — это обусловленная любовь. «Отец представляет собой другой полюс человеческого существования, где мысли, вещи, созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплина, путешествия, приключения. Отец — это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир» [12]. С этой отцовской функцией тесно связана и другая, которую можно назвать социально-экономической. В отношении мальчиков это означает «передачу собственности лучшему из них, заслужившему отцовскую любовь» [13].

В США в 1990-е социологи Р. Ла-Росса и Дж. Плек в рамках социального конструктивизма стали уделять особое внимание изучению отцовства. Данный подход предполагал анализ символов и культурных образов отцовства. Его представители пытались сформировать «нового отца», заботливого и **доступно**-го, и повышению роли отцов в материальном обеспечении детей.

Анализ Дж. Плека продемонстрировал, что в США, наряду с ролью «добытчика», присутствовали и другие образы. При этом изменения во взглядах на «культуру отцовства», отмечает Дж. Плек, были во многом обусловлены пересмотром представлений об институте материнства: от идеала матери-домохозяйки второй половины XIX в. — первой половины XX в., полностью посвящающей себя детям, до признания в конце XX в. прав женщин на профессиональную деятельность. Он выделяет по меньшей мере четыре этапа в развитии «американского отцовства».

Отец как:

— «авторитарный духовный и религиозный наставник» [14] (XVIII — нач. XIX вв.);

— «отстраненный от семьи добытчик средств» [15] (нач. XIX — сер. XX вв.);

— модель для формирования идентичности по признаку пола (1940-1965 гг.);

— «новый» отец, который ухаживает за детьми, интересуется их проблемами, а также занят в общественном производстве, зарабатывая деньги на их содержание (с конца 1960-х).

Другой известный американский специалист в рамках социального конструктивизма Р. Ла-Росса отмечает, что культурные образы меняются быстрее, нежели реальное поведение. Разрыв между «эгалитарной культурой отцовства» [16] и прежними, менее современными моделями поведения приводит к: значительной части «физически присутствующих», но «функционально отсутствующих» отцов [17]; обострению супружеских конфликтов после рождения детей, поскольку жены и мужа по-разному представляют распределение родительских обязанностей; увеличению числа отцов — представителей среднего класса, переживающих амбивалентность и чувство вины, поскольку они пытаются соотнести себя с образом «нового» отца, пропагандируемого в США, но у них не всегда это получается.

Социальный конструктивизм предполагает не только изучение «отцовских образов», с которыми индивиды соотносят себя в повседневной жизни, но и

анализ этих представлений между мужчинами, принадлежащими к разным социальным слоям, этническим группам, имеющим разное образование.

«Передовой, современный» отец наиболее часто встречается среди мужчин США европейского происхождения — представителей среднего класса. «Этот образ используется как показатель чувствительности и утонченности мужчин, их готовности разделить идеалы либерального феминизма и удаленности от стереотипов мышления грубого женофоба из среды рабочих. Наряду с идеальным типом «передового» отца сложилось представление об асоциальном, «опасном» родителе, который жестоко обращается с детьми или пренебрегает ими, а также «папочках-неплательщиках», отказывающихся содержать собственных детей» [18]. Как правило, в США такой тип отцовства характерен для представителей беднейших слоев населения, рабочих и мужчин неевропейского происхождения.

Представители постструктуралистского подхода выступили с критикой в адрес социального конструктивизма. По их мнению, «при анализе «отцовских образов» упускается из виду многообразие, богатство и изменчивый характер индивидуального опыта отцовства» [19]. Образы представляют собой «ограниченный и упрощенный взгляд на то, как мужчины на практике ведут себя в качестве отцов» [20]. Обращение к социальному конструктивизму приводит к тому, что «социальное» и «культурное» рассматриваются как нечто отдельное, внешнее по отношению к конкретному индивиду.

Представители этого направления критикуют традиционные академические исследования, в том числе в изучении отцовства, за отсутствие «эмоционального измерения» и стереотипизацию индивидуального опыта.

Постструктуралистский подход оперирует, в частности, понятиями дискурса и власти. «Субъективность формируется из совокупности изначально заданных дискурсов, которые циркулируют как в обществе в целом, так и в специфическом социальном контексте, ближайшем социальном окружении индивида» [21]. Кроме того, они считают, что «рассматривать мужчин, как «угнетателей» женщин при решении семейных, трудовых и прочих вопросов, значит смотреть на вещи упрощенно. И мужчины, и женщины активно участвуют в воспроизводстве доминирующих дискурсов и моделей поведения в сфере родительства, а также хорошо осознают их противоречия и иногда пытаются видоизменить их» [22].

Отцовство — динамическое состояние, считают сторонники этого подхода. «Даже на протяжении жизни одного человека содержание и проявление маскулинности, в том числе и содержание отцовской идентичности, может изменяться, а кроме того — не согласовываться внутриличностно» [23].

Каждая из приведенных теорий обладает своими возможностями для изучения и интерпретации отцовства в современном обществе.

В России исследования отцовства в области социологии пока осуществляются в рамках изучения родительства и семейно-брачных отношений. Идеология отцовства опирается на положения инструментально-функционального подхода, подчеркивающего патриархатную модель разделения гендерных ролей, где главным является ответственность мужчины за материальное обеспечение семьи и ответственность женщины за воспитание и социализацию детей. Как указывают Е. Здравомыслова и А. Темкина, «гендерная идеология российского общества, будучи социальной структурой, с которой субъект идентифицирует себя, оказывает давление на индивидов посредством социального одобрения

гендерных черт, среди которых отцовство постоянно конструируется как нечто менее престижное» [24].

Сравнительный анализ работ отечественных и зарубежных авторов показывает, что для изучения отцовства как целостного явления еще нет достаточно обоснованного интегрального концептуального подхода, уделяющего пристальное внимание изучению особенностей социального конструирования отцовства. На фоне разработанности социологии семьи, родительства и гендерных отношений наблюдается дефицит исследований, посвященных феномену отцовства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер. с англ. М.: Наука, 1988. С. 312.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. М.: Наука, 1991. С. 60.
3. Там же. С. 62.
4. Там же. С. 71.
5. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. М, 1996. С. 117.
6. Там же. С. 124.
7. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. М.: Международный ун-т бизнеса и управления., 1996. С. 295.
8. Там же. С. 297.
9. Merton, R. K. Social Theory and Social Structure. Glencoe (Ill), 1957. P. 140.
10. Там же. С. 116.
11. Фромм Э. Искусство любить. М.: Педагогика, 1990. С. 59.
12. Там же. С. 64.
13. Там же. С. 66.
14. Plek, J. American fathering in historical perspective / J. Plek // Changing men: New directions in research on men and masculinity // Eds. by V. Kimmel. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1987. P. 97.
15. Там же. С. 103.
16. LaRosa, R. (1992). Fatherhood and social change. In M.S. Kimmel, M.A. Messner (Eds.) Men's Lives. New York: Macmillan, P. 532.
17. Там же. С. 534.
18. Голод И. С. Семья и брак: историко-социологический анализ / И. С. Голод. СПб.: Метрополис, 1998. С. 272.
19. Там же. С. 315.
20. Гурко Т.А. Лекция 21. // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ МВШСЭН МФФ, 2001. С. 41.
21. Там же. С. 315.
22. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90-97.
23. Черняк Е.М. Социология семьи: Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2004. С. 238.
24. Здравомыслова Е.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // О муже(N)ственности: сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002. С. 432-451.